

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Ольга Берггольц

Мой дневник
1923–1929

К КУЧКОВО
ПОЛЕ

Москва
2016

**Редакционный совет Российского государственного
архива литературы и искусства**

*Т. М. Горяева (председатель), Л. М. Бабаева, Л. Н. Бодрова, Е. В. Бронникова, А. Л. Евстигнеева,
Т. Л. Латыпова, М. А. Рашковская, Н. А. Стрижкова, Е. Ю. Филькина*

**Ответственный составитель
Н. А. Стрижкова**

**Научный редактор
Н. А. Прозорова**

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проекты № 16-04-16160; № 09-04-00173а

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Изображения для издания предоставлены Российским государственным
архивом литературы и искусства

К истории архива Ольги Берггольц

Архивы как зеркало отражают жизнь и судьбу их владельцев. Чем сложнее и трагичнее судьба человека, тем запутаннее и драматичнее история его архива. За спасение рукописей порой приходится расплачиваться слишком дорогой ценой — свободой и даже жизнью... История дневников Ольги Берггольц как часть истории ее творческого архива отражает атмосферу подозрительности и страха, в которой люди сталинской эпохи продолжали жить, стараясь сохранить свое достоинство и творческую независимость. И вся эта история до сих пор окружена недосказанностью и двусмысленными толкованиями. Тогда как на самом деле все события строго документированы, собраны и хранятся в делопроизводстве РГАЛИ.

Когда в декабре 1975 г. в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР появилась Мария Федоровна Берггольц, его сотрудники были крайне удивлены: к этому времени в Ленинграде уже существовал свой городской архив литературы и искусства. Тем не менее она просила срочно прислать в Ленинград сотрудников ЦГАЛИ для составления описи архива ее сестры¹. Архив принадлежал Ольге Федоровне Берггольц.

В кратчайший срок эта работа была проделана. Для этого уже 6 января 1976 г. в Ленинград была командирована старший научный сотрудник архива Н. А. Петропавловская для составления описи². Что же явилось причиной того, что Мария Федоровна доверила эту работу именно московским архивистам? Стало известно, что такая ситуация возникла из-за конфликта между наследницей и Комиссией по литературному наследию О. Ф. Берггольц. Дело в том, что вскоре после смерти Ольги Федоровны часть архива была без ведома Марии Федоровны изъята из квартиры и перевезена в опечатанном виде в Ленинградский архив литературы и искусства. Главную «опасность», по мнению Комиссии по литературному наследию, представ-

Берггольц О. Ф.
Б48 Мой дневник. Т. 1: 1923–1929 / составление, текстологическая подготовка, подбор иллюстраций Н. А. Стрижковой; вступительные статьи Т. М. Горяевой, Н. А. Стрижковой; комментарии, указатели О. В. Быстровой, Н. А. Стрижковой. — М.: Кучково поле, 2016. — 768 с.: 16 л. ил.

ISBN 978-5-9950-0581-0

О. Ф. Берггольц (1910–1975) — поэтесса, «Ленинградская Мадонна», чьи вдохновенные, трагические стихи звучали в унисон с эпохой, их знала и любила вся страна. Но подлинная история ее жизни открывается только сейчас с публикацией дневников, которые она вела на протяжении всей своей жизни, с 1923 по 1971 год. Они хранятся в составе ее личного фонда в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Долгие годы эти тетради (74 ед. хр.) находились на закрытом хранении, сначала по распоряжению государства, затем по воле наследников.

Первая книга многотомного издания, в которую вошли ранние дневники 1923–1929 годов, открывает полнотекстовую научную публикацию всего корпуса хранящихся в РГАЛИ дневников О. Ф. Берггольц в хронологической последовательности. Текст записей воспроизводится полностью по автографам. Издание снабжено научно-справочным аппаратом, комментариями, статьями, фотографиями и факсимильными изображениями документов из личного фонда О. Ф. Берггольц в РГАЛИ.

ISBN 978-5-9950-0581-0

© Российский государственный архив литературы и искусства, 2016
© Берггольц О. Ф. (наследники), текст дневников, 2016
© Горяева Т. М., вступительная статья, 2016
© Быстрова О. В., комментарии, 2016
© Стрижкова Н. А., составление, текстологическая подготовка, комментарии, вступительная статья, подбор иллюстраций, 2016
© ООО «Кучково поле», макет, оформление, 2016

ляли дневники автора. В КГБ было давно известно о содержании этих тетрадей, они тщательно изучались еще в 1938 г. после ареста их автора.

Из письма Н. А. Петропавловской Н. Б. Волковой от 11 января 1976 г.:

«8 января в четверг состоялось заседание комиссии по наследию О. Берггольц, на котором мы с Сиротинской³ были, о котором она Вам, вероятно, уже рассказала. Этому заседанию, первому по счету, предшествовала длительная тяжба М. Ф. (Марии Федоровны. — Т. Г.) с комиссией по поводу того, что, во-первых, комиссия отказывалась предоставить людей для разборки архива на дому и требовала его переправки в мешках в одно из ленинградских хранилищ и, во-вторых, комиссия без ведома М. Ф. изъяла дневники и еще какие-то материалы и отправила их в ЛГАЛИ. Возник конфликт, в результате которого был визит М. Ф. к нам с просьбой выслать специалиста с обещанием передать архив в РГАЛИ.

9/1 состоялось вскрытие квартиры, на которое явился оргсекретарь Союза⁴ и заявил, что комиссия слагает с себя ответственность за судьбу архива Берггольц и передает все функции М. Ф. Думаю, что этот шаг является либо средством давления на нее, либо комиссия хочет отмежеваться от своих явно незаконных действий — изъятия дневников и попустительства в разграблении вещей О. Берггольц ее домработницей. Так или иначе, контакты с комиссией пока прерваны, а мы (я и сотрудница Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, близкий друг О. Ф. и М. Ф., приглашенная на правах помощника с разрешения нотариуса) приступили к работе»⁵.

Об этих обстоятельствах Н. Б. Волкова сообщила начальнику Главного архивного управления при Совете министров СССР Ф. И. Долгиху 8 января 1976 г., уточнив, что 39 тетрадей-дневников были переданы на временное хранение Комиссией по литературному наследию О. Ф. Берггольц без ведома и вопреки желанию наследницы, и теперь они недоступны для составления описи всего архива⁶. Более подробно об этом говорится в рабочем дневнике Н. А. Петропавловской:

«13 января... С утра поехала к Блинову⁷ выяснять ситуацию и изложить вопрос о необходимости включения дневников в общую опись. А. М. Блинов согласился со мной, что опись должна быть единой, но сказал, что, поскольку дневники были сданы на хранение СП без его согласия, он их выдать не может, даже для описи внутри архива. Я ознакомилась с актом

передачи дневников О. Б., которые были приняты без описи, по счету. Однако он сказал, что проконсультируется с Управлением СП, и просил заготовить отношение от нот[ариальной] конторы.

К 12 ч. приехала на квартиру О. Б. для продолжения разборки архива. М. Ф. звонила члену комиссии по наследию Хренкову, долго и бурно требовала возвращения дневников, в изъятии которых он участвовал. Затем я взяла трубку и объяснила ему, что речь идет не о возвращении, а о переоформлении их на хранение от имени М. Ф., пересчете их и включении их в опись... Он сказал, что дневники содержат криминальные вещи и в государственных интересах не допускать к ним никого. Он сообщил также, что действия СП были одобрены обкомом и КГБ»⁸.

Так называемая сдаточная опись была составлена и заверена Н. А. Петропавловской, главным библиографом Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина М. Машковой, нотариусом Г. Юровой 19 января 1976 г. Из этой описи очевидно, что на момент ее составления в квартире находились 33 тетради-дневники (1933–1960 гг.)⁹, указывалось также, что 39 тетрадей находятся на временном хранении в ЛГАЛИ.

В свою очередь Ленинградская писательская организация обратилась 6 февраля 1976 г. с письмом за подписью первого секретаря Правления А. Н. Чепурова в Совет министров РСФСР с просьбой дать указание передать все материалы литературного наследства в Архив литературы и искусства, ленинградский адрес архива: Ленинград, ул. Воинова, д. 54¹⁰. При этом не учли одного — характер и твердость Марии Федоровны. Она во что бы то ни стало решила отстоять свои права. И надо отдать должное целеустремленности Марии Федоровны: многочисленные обращения в городскую прокуратуру и нотариальную контору дали свои результаты. Во всяком случае, архивные руководители вынуждены были этот сложный вопрос решать на основании ст. 92 ГК РСФСР о праве законного наследника распоряжаться своим имуществом. В письме заместителя начальника Главархива СССР А. С. Малитикова в Главархив РСФСР говорится о невозможности приостановки передачи законной наследницей архива О. Берггольц в ЦГАЛИ в соответствии с заключенным договором¹¹.

Но на этом борьба не закончилась, а только вошла в новую фазу. Каждая из сторон предпринимала очередные шаги, и теперь предполагалось выкупить у законной наследницы ее права в пользу государства. Но вначале Марии Федоровне было отказано в получении свидетельства о наследстве. Вслед за этим последовали ее решительные действия.

«Правительственная телеграмма

Председателю Совета Министров РСФСР товарищу Соломенцеву Михаилу Сергеевичу

От Берггольц Марии Федоровны

Моя сестра поэт Ольга Федоровна Берггольц скончалась 13 ноября 1975 г тчк Я ее единственный наследник тчк сейчас по истечении законного полугодия мне отказано нотариусом Первой нотариальной конторы г. Ленинграда Михайловым И. Ф. выдаче мне наследственного удостоверения двоеточие предложено исключить из него право на литературный архив моей сестры тчк Нотариус Михайлов устно мотивирует такое грубое нарушение закона своим ожиданием звонка о решении по неизвестному мне письму якобы направленному Совету Министров РСФСР о выкупе у меня прав на архив зпт поэтому я и обращаюсь к вам тчк Архив сестры я бережно собрала подвергла описи и сдала на временное хранение в Ленинградский государственный архив литературы и искусства зпт с тем чтобы вступив в права наследства и пополнив состав архива собранными за полугодие ценными материалами своевременно сдать его в целом на постоянное хранение тчк Закон предоставляет мне право выбора постоянного хранилища и я это право хочу использовать тчк всю жизнь я тесно связана с творчеством сестры ее замыслами зпт намерена совместно с комиссией по наследию в которой я состою собрать ее посмертную книгу тчк кроме того мои наследники два сына внук молодые люди и когда будут открыты материалы архива которые сейчас должны быть на закрытом хранении тире это будет их достоянием тчк Поэтому считаю выкуп моих прав для себя неприемлемым если такой вопрос действительно стоит тире пока это только предположение нотариуса прошу вас Михаил Сергеевич вмешаться в это дело и помочь мне немедленно получить свидетельство о праве на наследство по закону включающее архив тчк [адрес, телефон. — Т. Г.] с глубоким уважением Мария Берггольц. Приписка: Направлена группой писем Совмина РСФСР в Минюст РСФСР 21 мая 1976 г Направлена в отдел юстиции Ленгорисполкома. 25 мая 1976¹²».

Одновременно М. Ф. Берггольц направила жалобу в Смольнинский районный народный суд г. Ленинграда (в пор. ст. 245 ГПК РСФСР).

«13 ноября 1975 г умерла Берггольц Ольга Федоровна. Я, Берггольц Мария Федоровна, являюсь единственной наследницей умершей. 24 ноября

1975 г. мною было подано заявление в Первую гос. нотариальную контору г. Ленинграда о принятии наследства, оставшегося после умершей. Однако, несмотря на то, что установленный законом срок для выдачи свидетельства о праве на наследство истек, ст. нотариус Михайлов И. Ф. отказал мне в выдаче свидетельства о праве на наследство на все имущество, оставшееся после смерти наследодателя. В частности, нотариус отказывается выдать свидетельство о праве на наследство рукописей наследодателя. Отказ этот не основан на требованиях закона и не содержит какой бы то ни было мотивировки. Он противоречит и действиям нотариальной конторы, произведенным в порядке обеспечения принятия наследства. Так, нотариусом т. Юровой была произведена опись всего имущества, оставшегося после умершей, и в эту опись были включены и рукописи, сданные мною добровольно в Ленинградский государственный архив литературы и искусства (ЛГАЛИ).

При таком положении нотариус обязан выдать свидетельство о праве на наследство на все имущество, в том числе и на рукописи, хранящиеся в ЛГАЛИ.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 532, 557, 553 ГК РСФСР, ст. ст. 271, 273 ГПК РСФСР,

ПРОШУ:

обязать нотариуса выдать мне свидетельство о праве на наследство на все имущество, перечисленное в описи, в том числе и на рукописи, хранящиеся в ЛГАЛИ.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

1. Копия наст. жалобы.
2. Марка госпошлины 30 коп.
3. Отказ нотариуса.
4. Опись.
5. Главархив — письмо. 27 мая 1976 г»¹³.

Позиция Союза писателей РСФСР была изложена в письме от 28 мая 1976 г. председателем правления союза С. В. Михалкова заместителю председателя Совета министров РСФСР В. И. Кочемасову.

«Уважаемый Вячеслав Иванович!

14 декабря¹⁴ 1975 года в Ленинграде скончалась выдающаяся советская поэтесса Ольга Федоровна Берггольц. В ее архиве содержится ряд документов, представляющих большую литературную и общественную зна-

чимость, — в том числе неопубликованные произведения, дневники, записные книжки, переписка с Пастернаком, Солженицыным, Ахматовой, Шостаковичем, Горьким, Твардовским, Маршаком, Лидией Чуковской и другими.

В соответствии со ст. 501 ГК РСФСР секретариат правления Союза писателей РСФСР просит Совет министров РСФСР вынести решение о выкупе архивными организациями части материалов архива О. Ф. Берггольц, согласно оценке экспертной комиссии.

В случае передачи указанных материалов наследнице поэтессы М. Ф. Берггольц не исключается возможность их использования как в ущерб автору, так и государству. Учитывая, что 14 мая с. г. М. Ф. Берггольц вступила в права наследства, вопрос о выкупе части архива требует незамедлительного решения.

С уважением, председатель Правления Союза писателей РСФСР Сергей Михалков»¹⁵.

К этому письму было приложено заключение комиссии, созданной постановлением Секретариата Правления СП РСФСР (протокол № 9 § 15 от 26 мая 1976 г.), в котором говорится, что комиссия, «познакомившись в Ленинградском государственном архиве литературы и искусства с сданным ему на временное хранение архивом писательницы О. Ф. Берггольц, пришла к заключению, что в интересах доброго имени писательницы и чтобы не нанести ущерба государству, закрыть часть архива О. Ф. Берггольц и выкупить ее государством у наследницы — М. Ф. Берггольц.

Целесообразно выкупить следующие документы:

1. Записные книжки, тетради (описи №№ 1 и 2, пп. 3,35)
 2. Дневники на период с 1934 по 1971 г. (опись № 2 пп. С 13 по 31)
 3. Письма (опись № 2 пп. 33 и 34)
 4. Дневники (опись № 3 пп. С 19 по 34)
 5. Черновые записи — 5 папок (опись № 1 п. 4)
 6. Письма к О. Ф. Берггольц и письма О. Ф. Берггольц (опись № 1 пп. 6 и 7)
- Члены комиссии П. Кочурин, М. Колосов, Д. Хренков»¹⁶.

Понятно, что после этого отношения с ленинградскими властями были вконец испорчены. 12 июля 1976 г. между ЦГАЛИ СССР и М. Ф. Берггольц было заключено соглашение, по которому архив взял на себя все виды работ, включая транспортировку в Москву всех находящихся в ЛГАЛИ ма-

териалов архива¹⁷. 13 июля 1976 г. Н. Б. Волкова обратилась к начальнику Главархива СССР с просьбой о содействии в передаче архива О. Берггольц из ЛГАЛИ в установленном порядке в соответствии с заявлением наследницы и соглашением между ней и ЦГАЛИ¹⁸. Вскоре эта работа была организована, о чем свидетельствуют письма начальника Главархива РСФСР Н. И. Иванова в Архивное управление Леноблгорисполкома Т. С. Копыховой (копия Н. Б. Волковой) об организации передачи архива в ЦГАЛИ. Ответственность за сохранность документов и содержащихся в них сведений во время оформления для передачи представителю фельд-связи возлагалась лично на директора ЛГАЛИ А. М. Блинова. В письмах от 5 и 12 августа 1976 г. директора ЛГАЛИ А. М. Блинова в ЦГАЛИ сообщалось о высылке личного архива О. Берггольц, «упакованного и опечатанного в 39 связках и 2 чемоданах общим весом 176 кг». В письме также говорится, что «в связи с тем, что архив (ЛГАЛИ. — Т. Г.) принимал эти материалы на временное хранение в связках и папках, опечатанных Государственной нотариальной конторой № 1 Ленинграда, подокументный просмотр их не проводился»²⁰.

12 августа Н. Б. Волкова подтвердила получение архива фельдъегерской почтой в аналогичном количестве и составе²¹. Об этом же докладывал начальник Главархива РСФСР Н. И. Иванов в Совет министров РСФСР 2 августа 1976 г. и в Главархив СССР 18 августа 1976 г., обращая особое внимание руководства на то, «что в этот перечень включены документы, которые, по мнению правления Союза писателей РСФСР (т. Михалков), в случае передачи их наследнице поэтессы М. Ф. Берггольц или другим частным лицам, могут быть использованы как в ущерб автору, так и государству»²².

Мы специально так подробно останавливаемся на этом потому, что именно такой порядок перемещения стал причиной очередного конфликта с Марией Федоровной. Она утверждала, что подготовка материалов архива к перемещению была произведена без ее предварительного осмотра, а о том, что архив уже в Москве, она узнала только из телеграммы ЦГАЛИ²³. Тревога и подозрительность Марии Федоровны можно было объяснить исчезновением в ленинградской квартире трех тетрадей дневника. С этими тетрадями была связана целая история. Во время очередной поездки Ольги Федоровны и ее мужа Г. П. Макогоненко на дачу в 1949 г. они заметили (или им обоим показалось), что их преследует черный автомобиль. Не удивительно, что они в ужасе пытались любым способом избавиться от опасных документов.

Из дневников О. Ф. Берггольц: «В день отъезда Юра прибежал из издательства дико взволнованный и сказал, чтобы я уничтожила всякие черновики, кое-какие книжонки из “трофейных” и дневники... мы поехали,

ощущение погони не покидало меня... Обернувшись, увидела мертвенные фары, прямо идущие на нас, обернулась на какой-то раз и вдруг вижу, что это луна, обломок луны, низко стоящий над самой дорогой...»²⁴

На следующий день после мнимой погони дневники были прибиты к внутренней стороне дачной скамейки и навсегда приобрели эту отметку. Именно эти тетради Ольга Федоровна особенно берегла: хранила отдельно в закрытом ящике письменного стола или прибавала к обратной стороне кресла.

После смерти сестры Мария Федоровна тщетно пыталась найти их в квартире, но они неожиданно были обнаружены в Москве в опечатанных связках и чемоданах, но в изуродованном виде²⁵. Со слов Марии Федоровны, именно во время подготовки к транспортировке в Москву пакеты могли быть вскрыты и из трех тетрадей варварским образом вырваны почти все листы. Это были дневниковые записи 1938–1941 гг. и 1949 г. Их содержание восстановить невозможно. Но это было окончательно установлено только в октябре 1976 г., после того как комиссия по разбору и проверке архива (В. К. Зонтиков, М. В. Машкова, Н. А. Петропавловская, М. В. Моисеева, включая, конечно, и М. Ф. Берггольц) смогла приступить к работе. В сентябре Мария Федоровна была занята хлопотами, «связанными с передачей кабинета и вещей в Пушкинский Дом для экспозиции, судебным делом о наследстве» (письмо М. Ф. Берггольц Н. Б. Волковой от 3 сентября 1976 г.)²⁶.

Акт о принятии архива был подписан 9 декабря 1976 г. В нем говорится, что при вскрытии 17 мешков с архивными материалами О. Ф. Берггольц все печати оказались целыми. Однако при просмотре содержимого мешков было установлено, что в двух случаях печати раскрылись, а в двух пакетах содержимое можно достать, не нарушая печати²⁷.

Обострение ситуации возникло на стадии переговоров о покупке архива. Так, в письме от 28 июля 1978 г. Мария Федоровна еще раз подчеркнула, что упаковка материалов в ЛГАЛИ проходила в ее отсутствие, и только скрупулезная работа группы по разборке материалов дала свои неожиданные результаты:

«В последний день нашей работы в декабре я обнаружила совместно с проверявшими наличие черновых записей, тт. Н. А. Петропавловской и В. К. Зонтиковым, ДВА ДНЕВНИКА, при описи в квартире моей сестры не обнаруженных производившими опись, хотя мы тщательно ИСКАЛИ ТРИ ТЕТРАДИ ДНЕВНИКОВ, с отличительным признаком: пробиты гвоз-

дем, именно две из этих трех тетрадей были обнаружены в пакете, в который можно было попасть, не нарушая печати.

При дальнейшем разборе (сейчас, в июне 1978 года) обнаружена и третья тетрадь ДНЕВНИКА — в пакете “рукописный”.

Три тетради изуродованы, почти уничтожены: в одной из них (общая тол. серого цвета) осталось ТРИ листа, остальные грубо вырваны, в другой (общ. коричневая) осталось несколько больше, в третьей (тоже серая общая) сняты все, кроме одной, записи, отмеченные рукой Ольги Берггольц на обложке как наиболее значительные.

В процессе работы возникают и другие “неожиданности”, я отметила наиболее значительные, другие здесь не буду перечислять, но все они требуют, чтобы их зафиксировали. Проверка и уточнение описи еще не доведены до конца.

Возникает недоумение: стоило ли подписывать акт приема архива от ЛГАЛИ? Не столько потому, что не была еще проведена проверка описи, НО И ПОТОМУ, ЧТО ЛГАЛИ — ЯВЛЯЯСЬ ВРЕМЕННЫМ ХРАНИТЕЛЕМ, А НЕ СООБСТВЕННИКОМ АРХИВА, НЕ ИМЕЛ ПРАВА ПЕРЕДАВАТЬ АРХИВ БЕЗ НАСЛЕДНИКА, А У ЦГАЛИ НЕ БЫЛО ОСНОВАНИЙ ЗАКРЕПЛЯТЬ ЭТОТ АКТ БЕЗ НАСЛЕДНИКА»²⁸.

Вслед за этим по просьбе Марии Федоровны и ЦГАЛИ Г. П. Макогоненко и М. В. Машковой были даны письменные свидетельства, в которых подробно излагается все, что было им известно о дневниках Ольги Федоровны. Приводим эти тексты полностью.

«В ЦГАЛИ от доктора пед. наук, ст. научн. сотрудника Гос. Публичной б-ки М. В. Машковой

Заявление от 28 мая 1978 г.

Подтверждаю, что при описи архива О. Ф. Берггольц в январе 1976 г. не было обнаружено нескольких дневниковых тетрадей с отличительным признаком — пробиты гвоздем, хотя мы с М. Ф. Берггольц их тщательно искали. Эти тетради О. Ф. Берггольц особенно ценила и берегла»²⁹.

«Г. Макогоненко:

Уважаемая Мария Федоровна!

Вы просили меня сообщить, что мне известно о дневниках Ольги Берггольц. Выполняю Вашу просьбу. Мне известно, что в письменном столе своем она хранила все свои дневники за многие годы. Знал со слов Ольги Федоровны, что было много тетрадей. Три из них мне приходилось дер-

жать в руках — это толстые общие тетради в сером и коричневом переплетах. Ольга Федоровна в пятидесятые годы, готовя вторую часть книги “Дневные звезды”, читала мне из этих тетрадей записи, которые она хотела использовать в книге. Записи касались жизни Ольги Федоровны в 1938, 1939, 1940 и 1941 годах.

В последний раз я видел эти тетради где-то в 1975 или 1976 годах (описка: О. Берггольц умерла в 1975 г. — Т. Г.), когда во время моих посещений Ольги Федоровны она вновь обращалась к планам “Дневных звезд” и читала новые варианты записей из этих же тетрадей.

Отличительная внешняя особенность этих тетрадей — на них сохранился след от гвоздя, которым они были в свое время прибиты к деревянной лавке. В 70-е годы тетради эти хранились по-прежнему в ящиках письменного стола — я видел, как Ольга Федоровна вынимала их оттуда. По словам Д. Хренкова, Ольга Федоровна и ему читала записи именно из этих тетрадей. Из Ваших слов, Мария Федоровна, мне известно, что этих трех тетрадей, пробитых гвоздем, в числе сданных дневников О. Берггольц в архив — не оказалось. Следовательно, они были украдены из ящиков письменного стола до того, как они были переданы в архив. 15 августа 1978 г.»³⁰.

Окончательно архив О. Ф. Берггольц был приобретен в государственную собственность в начале 1985 г., о чем свидетельствуют договор и приложение, в котором оговаривались условия доступа к архивным документам и особые права наследников. Таким образом, все дневниковые тетради за исключением нескольких юношеских тетрадей³¹, которые находятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Ф. 870)³², оказались вместе с полным творческим и личным архивом О. Ф. Берггольц в Москве — в ЦГАЛИ СССР³³. В связи с рекомендациями Секретариата Союза писателей и указаниями Главного архивного управления решено было поместить дневники на закрытое хранение. Что же так пугало чиновников в этих тетрадях? Ответ хранится на страницах самих дневников, которые О. Ф. Берггольц вела с девизом «Абсолютная честность и правда»³⁴. Сегодня мы уже можем открыть их и прочесть эту книгу, книгу «радости и скорби».

Т. М. Горяева

¹ Заявление Марии Федоровны от 4 января 1976 г. в ЦГАЛИ с просьбой прислать сотрудника для составления охранительной материальной описи всех материалов для последующей передачи в ЦГАЛИ // РГАЛИ. Дело фонда № 2888 (О. Ф. Берггольц). С. 1.

² Направление в Нотариальную контору № 1 // Там же. С. 2.

³ И. П. Сиротинская (1932–2011) — заместитель директора ЦГАЛИ СССР.

⁴ Речь идет о писателе В. Н. Кукушкине (1908–1997), оргсекретаре Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР.

⁵ РГАЛИ. Дело фонда № 2888. С. 6–7.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ А. М. Блинов — директор ЛГАЛИ.

⁸ РГАЛИ. Дело фонда № 2888. С. 17–18.

⁹ Там же. С. 27–29.

¹⁰ Там же. С. 87.

¹¹ Там же. С. 88.

¹² Там же. С. 91.

¹³ Там же. С. 93.

¹⁴ Так в тексте. Ошибочно указана дата смерти вместо 13 ноября 1975 г.

¹⁵ РГАЛИ. Дело фонда № 2888. С. 92.

¹⁶ Там же. С. 89.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Там же. С. 24.

¹⁹ Там же. С. 25.

²⁰ Там же. С. 26.

²¹ Там же. С. 32.

²² Там же. С. 94–95.

²³ Фототелеграмма М. Ф. Берггольц 18 августа 1976 г. // Там же. С. 34.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 367. Л. 28об. Запись 31 октября 1949 г.

²⁵ РГАЛИ. Дело фонда № 2888 (О. Ф. Берггольц). С. 5, 11–13.

²⁶ Там же. С. 36–37.

²⁷ Там же. С. 38.

²⁸ Там же. С. 39–41.

²⁹ Там же. С. 54.

³⁰ Там же. С. 53.

³¹ См. об этом: *Берггольц О. Ф.* Дневниковые тетради 1923 г. / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. А. Прозоровой // «Так хочется мир обнять»: О. Ф. Берггольц. Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения. СПб., 2011. С. 125–202; *Прозорова Н. А.* Документально-мемуарная проза О. Ф. Берггольц: Парадигмы становления творческой личности: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2013.

³² Дневники были переданы в ИРЛИ одним из наследников, сыном Марии Федоровны Ф. В. Янчиным. См. об этом: *Царькова Т. С.* О формировании личного фонда О. Ф. Берггольц в Пушкинском Доме // «Так хочется мир обнять»... С. 110–124.

³³ Подробная аннотация состава и содержания личного фонда О. Ф. Берггольц см.: Российский государственный архив литературы и искусства: Путеводитель. М., 2004. Вып. 8. С. 43–47; электронный каталог на сайте РГАЛИ: <http://www.rgali.ru>

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 2.

ГОДЫ

1928_

1929

Дневник О. Берггольц¹

6/IV. Апрель. Ленинград 1928 год.

С тех пор, как в январе месяце Борис изорвал мой дневник, я не вела его... Но теперь опять хочется самой себе рассказывать все, все, что было... Так легче... Жаль тех листов, но ничего не поделаешь. Он из ревности (!) изорвал то, потому что там было несколько безобидно-ласковых слов о Саше Ермолове. (П <1 сл. нрзб>.) Так кричал, так... матерился тогда... А за что? Ведь в несколько раз больше было у него летом, и Татьяне клялся в любви, добиваясь... ее, и все такое. Не с января ли прошло то неуловимое, у меня и, наверно, у него, в душе, от чего веет темноватым холодком первых заморозков?.. Однако мы уже живем вместе, правда, не зарегистрировали нас, но уже все знают, и я ведь живу у него... Я беременна. С января же. Четвертый месяц. Сначала хотела сделать аборт, потом не стала. Свяжет ребенок, знаю, и адски тяжело будет — ведь надо столько средств, а откуда же взять — Борис не работает, я тоже. Но пусть, пусть, другим — еще тяжелее было, и все-таки они не травили детей. Пусть, — выбьюсь... Ведь не виноват же ребенок, а он будет живой, теплый, ма-алюсенький... Пусть будет. Только бы здоровый был, пупсик.

Сейчас нам неважно живется... Денег нет. Вчера у мамы заняла 5 <рублей>. Сама ниоткуда не получаю... Дома сыро, холодно, дров нет. Поневоле иногда кислое лицо будет, особенно если вспомнишь о долгах...

А Борис покрикивает: «что такая кислая!», «как ты мне опротивела с кислой рожей»... Нечуткий Борька все-таки, хотя и говорит,

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

что любит меня... Почему-то — (страшно сказать) я не верю его словам.

Какое-то гнусное ощущение — врет ведь. Это оттого ли, что ему ничего теперь не значит сказать: «вот с этой девочкой я бы совокупиться хотел»... «хорошо бы эту девочку растлить»... что он циничен стал до... холодности... Холодно циничен... Пусть это мальчишество, трепотня, но ведь это тяжело мне... Теперь он слишком часто говорит о своей нежности к Т<атьяне> С<тепениной>. Утешает меня... — «ведь Татьяна — это своего рода маленькая Беатриче»... Конечно, до Беатриче Тане далеко, хотя бы по его стихам — потому что Беатриче Данте возвысил до символа и т. п... Но опять-таки, не сравнивая Бориса с Данте, если жена Данте была умной и незаурядной натурой — если она любила Данте, то она предпочла бы стать на место Беатриче или нет?.. Конечно, я-то не предпочту иного места, кроме своего... Но если б он знал, как больно мне от его стихов о ней, от его слов, от того, что было, когда он и меня еще не знал! Отчего это? Ведь иногда мне чудится, что что-то кончилось... Мне чего-то не сказать Борису, потому что он все равно закричит: «Я не понимаю, чего тебе надо, ведь я же люблю тебя, как никого, брось ты скулить...» и что-то недоговорено.

Вот теперь он подружился с этим Володькой Соловьевым... Может, у меня однобокий подход к людям, закоснелая симпатия к... тем положительным сторонам, которые принято считать положительными, но я определенно чувствую вражду к этому щеголеватому пареньку, пусть талантливому и умному, — сюсюкающему о большом разврате, рассказывающему сальные, омерзительные вещи и анекдоты, хвастунишке и трепачу. Ведь это мишура, его пышные словечки.

9-го апр<еля>.

Борька в ночь на воскресенье вернулся в полседьмого... Потом рассказывал о том, что целовал ручки Л. Семин... познакомился с «вульгарненькой Шурочкой» и т. д. Я ничего не говорила, хотя мне ужас как тяжело было. Я все убеждала себя, что это гадость и мешанство, что я — ревную. Но что сделаешь, от этого не легче. Я ничего не говорила; он в трамвае, когда ехали к нашим, стал говорить, зачем я кислая и т. д. Я и сказала, что если он меня любит, то и ему было бы не по себе... На это он стал кричать, что я просто ревную, что

ему тяжело, что он... все время достает деньги и хочет, чтоб я училась и не занималась глупостями. Довольно меду. Я ревела — в трамвае! — мне было так стыдно, так мерзко... Да ведь я понимаю, что ему тяжело, а мне-то, Господи!..

И теперь все время говорит, что позвонит той-то или той; с той-то пил, и она — и т. д. Нехорошо так! Ну, ладно. Наверно, я ему не мила стала. Ну и что ж, всему же конец бывает, хотя и говорит он, что любит...

Я дура, я тряпка, надо взять себя в руки... Надо не обращать на это внимания... Но как, как он изменился... Сколько самодовольства... нечуткости... Я дура... Но все равно, не могу дома... Пойду с Старе... Как нехорошо... Дура я, что «страдаю», тряпка.

10-го апреля.

Тяжело людям, посвятившим жизнь слову. Тяжелее, чем посвятившим краске или камню...

А если я — просто — «способная девочка», если нет у меня таланта...

Если б стихи, от которых холодно, доставались бы путем... физической боли — пусть...

А нужна ли талантливым людям мелкая, кропотливая работа? Ну, да... да...

Ахматова говорит — хорошо. Хорошо — только? Мало!.. Но ведь мне только 18... А Борис в 18 написал «Тройку», «Лошадь» ...Хотя? Ведь я смогла бы теперь написать так...

Мне так тяжело... Не напишешь всего... Не зависть к другим, нет... Неверие в себя, вот что гадко. Борька верил и верит в себя. Но где научиться этой вере?.. У него?.. Мы близки или далеки в творчестве? Не знаю. Виновата я или он? Я, наверно...

Берм<ан?> говорит, что женщины в таких случаях легче поддаются — влиянию, силе и стусевываются... И со мной будет то же? Не хочу. Надо работать, работать. Главное — себя найти. Берм<ан?> спрашивает: «А муж помогает?» Не-ет... Но я сама виновата. Но как-то стыдно идти к нему. И с чем? Нехорошо.

Как смутно...

Как смутно...

Может, я и завидую. Не знаю, только... Нет, не завидую... нет...

Ведь главное — нужно что-то внутри человека, чтоб писать:

И в этом прозреньи, и в этом забвеньи
Легко мне жить
и дышать мне не больно...

А если нет таких прозрений?..

Я глупая. Ищу журавля в небе... Но он лучше синицы в руках.
Все-таки надо проще. Еще все впереди. «Легко мне жить
и дышать мне не больно».

Я люблю Бориса. Только был бы он более чутким. И не надо,
о, не надо того, что было вчера ночью. Ведь это мерзость... бррр...

Твой только отблеск, о Солнце мира,
И только сон,
Только сон мимолетный...

«Своих невольничьих тревог»... Да, у меня — невольничья
тревога...

Ведь Борька — большой поэт. Но он еще ничего не сказал. Рез-
ко своего...

Буду понемногу книжку подбирать, в книге стихи делают-
ся иными.

Надо больше энергии и жизни в стих вдохнуть...

30 апреля.

Как-то ничего неохота делать. Очень неважно чувствую себя, хотя
Крепс говорит — все в порядке. Врет старичишка. Дела же — особен-
но денежные — очень относительные. Прямо кое-как перебиваемся.
Должны везде. Особенно мучит меня тетя Саша. Уже исключили ее
из союза, а страховка?.. Ой, жутко подумать.

А как будем жить, когда ребенок?..

Борька все успокаивает, да ненадежно что-то. Хорошо бы пе-
реехать в комнату Чумандрина... А пальто? А ему макинтош? А Вол-
га? В среду снесу в «Звезду» стихи. Да, пожалуй, не пойдут...

Нет, все не то... Была у Ахматовой.

Пока не буду писать.

4/V-28.

Все сидим без денег.. Нехорошо. Жаль Борьку, и себя виноватой
чувствую.

Готовлюсь к зачетам и докладам... Тяжело...

Весна...

Мне показалось, что вчера у него забилося сердце, у ре-
бенка...

Господи, как будем жить? Долги, долги, ничего нет... В вос-
кресенье засяду за стихи — да ведь в каких журналах устроишь?
«Кр<асная> панорама» — не возьмут... «Звезда»? Нет, буду устраивать.
Да, в «Ю<ном> п<ролетарии>» обещали литстраничку...

Скоро год, как мы с Борисом сошлись. Я люблю его. Сейчас
перечитывала его старые стихи, что писал в Детском <Селе>; без
меня... Все так ясно всплывает, что было.

Любимый...

Но странно, с трудом переносу его ласки... Не хочу ничего,
не хочу...

15 мая.

Скука какая. Борька долго не идет, где-то выступает... Читаю Свифта,
но книги надоели. Все книги да книги... Если сдам 3–4 зачета, буду
счастлива... Потому что ни за что не принималась, а еще этот долг!..
В общем, мы в долгу, как в шелку... Хозяева косо поглядывают. Чув-
ствую унижение, выпрашивая чай у Матрешки...

Ох, если б приняли в «Звезду»... Неужели же не примут?
Неужели так скверны мои стихи?.. То кажется — скверно, то — что
хорошо. Верно, композиция слаба. Долго не буду писать... Надо
особо, внутренне писать, подбирать лучшие слова в лучшем по-
рядке... Отчего — от отсутствия таланта или просто — возраст — нет
этих прозрений. Странная жизнь у нас... Вечная беготня за день-
гами, долги... То развал, то чисто в комнате... Стихи, стихи, разго-
воры о стихах и книгах, часто путаемся, ибо оба ничего не знаем,
и я чувствую это. И любовь... Я не хочу анализировать и доиски-
ваться, какая она... Конечно, то, что было вчера, — разврат.. Боже
мой, разврат... Но что ж такого, если и разврат? Ведь мы извели
его вместе — мы любим друг друга... Значит, не разврат? Нет, по-
жалуй...

Но больше не надо... Нет, не надо... Борька любит меня... Но как мучит. Я же не могу больше, я не хочу и ничего, кроме боли и неприятности, не испытываю.

Как не стыдно ему...

Как боюсь за него... Ничего не пишет, хотя говорит: «скоро буду, скоро буду»... Не учится — и я чувствую себя виноватой — вот, сижу на его шее и на маминой. Но вот, будет страничка скоро, надо в «Кр<асной> панораме» и «Резце» нажать. В «Кр<асную?» деревню» отдам, в «Смену»... Ах, если б «Звезда»... Неужели помешает Говнатор?.. Верно, стихи какие-то не такие, как все. Но ведь лучше Фимы, В<ладимира> и Б<ориса> Соловьевых?.. А их печатают...

Ох, я буду счастлива...

Зачеты вот еще... Новую квартиру надо...

Переезд. Долги. Ребенок. Чувствую себя неплохо, надо в консультацию бы. Похудела, кажется. Живот все заметнее... Ох, зачеты... Ох, нет ничего. Ох, Борька!.. Учеба его... Скорей бы, скорей бы с плеч долой эти нудные заботы и на Волгу. Волга! Волга! Как мечтаю, как думаю о ней... Волга...

О Ерм<олове> ничего не известно... Послать — не послать письмо? Послать — не послать? Зачем? А лето было хорошее... У, Сашка, глупый.

Как хочется чаю... Не хочу просить... Ой, как хочется. А за примус не плочено...

Читаю «Зависть» Олеши. Ведь я — новое, неужели я тоже завидую? Вот я в коллективе... А как посторонняя. Не знаю, почему... Ясно, жизнь моя вне коллектива. Я дышу другим... Хорошо это или плохо. И плохо, и хорошо. Нет, ведь будет же работа! Это подготовка. Ведь завтра мне только 18 лет будет, еще мало... Все успею...

Скоро Борюшка придет. Грибов ему сделала. Чаю, жаль, нет. Ужасно хочется.

Надо к Ахматовой сходить. Доклад о Гумилеве был мерз<кий>.

7/VI-28.

Чернила иссякли, а карандашом мерзко писать. Устала; печатаю лекции Шимкевича. Если удастся руб<лей> 15–12 заработать — будет хорошо. В И<нституте> И<стории> И<скусств> заплачу. А хозяй-

ка придирается, просит, чтоб заплатили. Верно, хамство, — рублей 50 должны. Господи!.. Как нудно, как надоело все это. Только Борьку люблю. Но он ленивый, как бес, это надо сознаться, и это меня раздражает. Хорошо, пусть он не работает, но почему не учится? Все-таки осталось бы время от беготни за деньгами; он массу времени убивает на бильярд. Бильярда я не выношу. Он мучит меня. Нет, так нельзя. Осенью переезжаем к маме, в большую комнату. С ребенком. Ребенок окажется раньше, чем думают. Отец, почти всегда пьяный. Ой, как не хочу туда, как не хочу, как страшно, как боюсь за стычки с отцом, за то, что завязну там, ото всего оторвусь. Борису бы работать надо, а он мечтает о прозе, — это хорошо, я рада, но база, база... Н'ое количество долгов. Главное... да все главное!.. О-о-ох.

Борис разошелся с В<ладимиром> С<оловьевым>. Дружит теперь с Саяновым; это хорошо. Они бродят, говорят о литературе; о себе, о многом. Борис мечтает с осени о хорошей компании. Как мне хочется на равных правах входить в их товарищество. Ведь по сравнению с Борькой я знаю больше его и не глупей его. Он говорит — тебе надо научиться хорошо писать... Но ведь... я знаю это, о, слишком знаю, что надо, надо. Но мне так не хочется оставаться на положении только жены. А Борька и так мало как-то внимания обращает на мое творчество, он слишком занят собой. Самой же мне наталкивать его на эти мысли — стыдно, я всегда стыжусь себя и своих стихов. Написала «Кармен» и «Фонтаны» и обмерла — эпигонство, гладкость, грамотность. Нет ни того, что говорит Белинский, — насыщенной взволнованности, ни того, что говорит Шимкевич, — искания форм. Но если второе в силу невозможности исканий в такой молодой период, — то первое — неужели в силу отсутствия поэтических данных? По Шимкевичу — необходимо быть ультрасознательной, осмысливая все по Белинскому — «бессознательной». Ясно, что результат один и тот же, но пути разные. Только при наличии таланта можно получить кое-что в итоге... Ой, я путаюсь, я не могу мыслить последовательно, я тону в своих ребяческих «изысканиях», как муха в стакане воды. Но знаю, что все стихи не то, не то. То, что я хочу сказать, остается за ними, приближается, становится более ясным, но не захватывается стихом. Стих, как пластинка на особом грамофоне, — с одной стороны у него зазубринки, которыми он цепляется за «то»...

Вот, хотела в «Кармен» дать какое-то сдвижение¹, состояние, когда и Фонтанка, и невиданная Венеция сближаются, сливаются, открываются как-то — одной мне — в шаблонном вальсе, в смехе кокетливой девчонки, в особом запахе воды, и ... А что «и»? И все. Но все сказали, что эпигонское стихотворение, — П «сентимент<альное> путешествие», — и я сама чувствую... Не передается другим то томительно сладкое чувство, когда

— И почти не задев тишину,
задев — смутив?
Не задев и слой синевы,
Я иду небыстрее минут,
Одинокая как «увы»;
Мне сегодня открыты одной
Все сырые речные края,
Где, Венеция, ты со мной,
Где, невиданная — моя...

— это сознание своей отчужденности в силу «открытия» мне Венеции.

Надо Борису кальсоны стирать, в бане чуть не 2 месяца не был, а я боюсь идти в кухню за водой, потому что хозяйка станет просить скатерть, деньги и т. д. Чорт с ней, завтра возьму скатерть.

Надо еще сдать:

1 Историографию +

2 Библиографию –

3 Спец<иальный> курс литер<атуры> XIX в. +

4 Семин<ар> по литературовед<ению> –

Тогда будет 10 — и это совсем не плохо. Пойду звонить Любе.

Какой идиотский разговор был у меня сегодня с Ахматовой по телефону. Вот дура я...

¹ Так в рукописи.

Приявший мир, как светлый дар.

Ольга Берггольц

1928 год¹

Я ждал полета и бытия,
Но мертвый ястреб — душа моя,
Как мертвый ястреб лежит в пыли,
Отдавшись тупо во власть земли...

Друзья, друзья! Быть может, скоро
И не во сне, а наяву,
Я нить пустого разговора
Для всех неожиданно оборву.
И повинуясь только звуку
Души, запевшей, как смычок,
Я протяну на воздух руку,
И затрепещет в ней цветок,
И я узнаю, я открою
Цветочный мир, цветочный путь,
О, если бы и вы со мною
Туда могли перешагнуть!

В. Ходасевич.

7 июля 1928 г. Суббота.

Конечно, это опять будет род дневника, не предназначенный для потомства или опубликования; однако в нем я постараюсь уделять больше места обобщениям и переживаниям внешнего, не только узко субъективного, мира. Как-то надо фиксировать происходящее, стараясь уяснить его, оценить и т. д. Конечно, забредать в слишком густые дебри умствований и философий пока не стоит, но опять-таки не потопу, а мне — интересно будет впоследствии вспомнить взгляды и сомнения теперешних дней. Конечно, я известная «прослойка», и с этой стороны небезынтересно будет оглянуться на лицо этой «прослойки».

Однако предисловие затягивается и грозит быть слишком «умным». Мне же понятно, что я хочу сказать... Абсолютная — (абсо-

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на форзаце тетради.

Комментарии

1923 год

Мой дневник (С. 33–42).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 304).

Датируется по содержанию с 24 января по 9 марта 1923 г.

Подарено мамочкой 19/26. I. 1923 г. (С. 43–73).

Печатается впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 305).

Датируется с 9 марта по 16 июня 1923 г.

№ 3. Мой дневник (дер<евня> Пластицы) (С. 73–80).

Печатается впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 306).

Датируется с 27 августа 1923 по 23 сентября 1924 г. Последняя запись в дневнике сделана О. Ф. Берггольц спустя год, о чем свидетельствует ее уточнение: «...я теперь ученица уж не 2 основного, а 3-го класса» (Там же. Л. 13).

31 октября. Среда. «Открытие кружка» (С. 80–87).

Печатается впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 307).

Датируется с 31 октября по 8 ноября 1923 г.; год уточняется по упоминанию в содержании дневника 6-й годовщины Октябрьской революции 1917 г. Тот факт, что описываемые в данном дневнике открытие литературного кружка и празднование 6-й годовщины Октября имели место в течение небольшого промежутка времени, позволяет сделать предположение, что данный дневник должен был быть прочитан кем-либо из школьных учителей, вероятно, Д. В. Недачиным, руководителем литературно-художественного кружка. Об этом свидетельствует запись О. Ф. Берггольц в дневнике, датированном 27 августа — 23 сентября 1924 г.: «Завтра отдам Д<митрию> В<асильевичу> свой дневник прочитать...» (Наст. изд. С. 80).

Две дневниковые тетради за 1923 г. (одна датируется с 23 апреля по 9 июня, вторая — с 15 июля по 24 августа), хранящиеся в Рукописном отделе Ин-

ститута русской литературы «Пушкинский Дом» РАН, опубликованы Н. А. Прозоровой в книге: «Так хочется мир обнять». О. Ф. Берггольц: Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения. СПб., 2011. С. 125–201.

С. 33

I основной кл<асс>. — Согласно Положению «О Единой трудовой школе» 1918 г., всем школам РСФСР, состоявшим в ведении Наркомата просвещения, присваивалось наименование «Единая трудовая школа». Она подразделялась на две ступени: 1-я ступень — для детей 8–12 лет — предполагала 5-летний курс обучения; 2-я ступень — для учеников 13–17 лет — предполагала 4-летний курс обучения (также см.: Основные принципы Единой трудовой школы. От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г. // Народное образование. 1999. № 10. С. 40–47).

О. Ф. Берггольц училась в 117-й единой трудовой школе 1-й и 2-й ступени, которая была создана на основе семиклассного коммерческого училища В. С. Селикова. С января 1923 г. Берггольц обучалась в 1-м основном классе 2-й ступени, которая соответствовала курсу обучения детей с 13 до 17 лет. Подробнее об этом см.: «Так хочется мир обнять»... С. 125–126.

...мама... — Мария Тимофеевна Берггольц (урожд. Грустилина; 1884–1957), домашняя хозяйка; окончила курсы кройки и шитья А. Л. Базаровой, всю жизнь подрабатывала шитьем.

...в деревню... — В 1923 г. семья на лето выезжала в деревню Заручевье Новгородской области. О. Ф. Берггольц вспоминала об этом: «...второй мой любимый сон — это как раз про ту самую полянку, куда не пустили нас родители в светлый, дождливый день за грибами-маслятами. Она была в Новгородской губернии, возле деревни Заручевье, куда ездили мы на каникулы несколько лет подряд» (*Берггольц О. Ф. Дневные звезды*. Л., 1960. С. 96).

...с Муськой. — Домашнее прозвище младшей сестры О. Ф. Берггольц — Марии Федоровны Берггольц (1912–2003), актрисы, хранительницы архива и публикатора творческого и эпистолярного наследия поэтессы.

...«было дело под “Плавищем”». — Перифраз строки «Было дело под Полтавой» из одноименного стихотворения Ивана Евстратовича Молчанова (1809 [1818?] — 1881).

Домой... — Семья Берггольц жила по адресу: Петроград, Палевский проспект, д. 6/2 (ныне проспект Елизарова), О. Ф. Берггольц писала о своем до-

ме: «Я застигаю себя в нашем двухэтажном деревянном доме, среди людей, почему-то очень давно известных и любимых — это дородная бабушка Ольга Михайловна, дед Христофор, красивейшие папа и мама, Авдотья, наша няня и прислуга, вторая бабушка — маленькая Марья Иванна, мамина мама (мы звали ее баба Маша), многие тети и дяди и, наконец, таинственно появившаяся в доме сестра Муська» (*Берггольц О. Ф. Дневные звезды*. Л., 1960. С. 112).

...с папой... — Федор Христофорович Берггольц (1885–1948), окончив в 1914 г. медицинский факультет Юрьевского (Дерптского) университета, стал числиться в адъюнктуре при кафедре военной хирургии. Ушел добровольцем на 1-ю мировую войну 1914–1918 гг., служил хирургом 39-го полевого запасного госпиталя. В 1918–1920 гг. участник Гражданской войны, старший врач 5-го врачебно-санитарного поезда. Демобилизовавшись, работал врачом хирургического отделения фабричной амбулатории. Подробнее о нем см.: *Пономарева Г. М., Шор Т. К.* Федор Берггольц — студент Тартуского (Юрьевского) университета // «Так хочется мир обнять»... С. 45–64.

...ходили к И<вану> А<фанасьевичу>... — Иван Афанасьевич Ампелогов (1887–1942?), заведующий 117-й единой трудовой школой (с 1922 г.). Уроженец села Людское Городищенской волости Орловского уезда Орловской губернии. Окончил словесное отделение историко-филологического факультета С.-Петербургского (Петроградского) университета. В 1915 г. утвержден в звании преподавателя. В 1913–1915 гг. работал учителем в Малоохтинской начальной школе, в 1914–1917 гг. — в Коммерческом училище В. С. Селикова, в котором после Февральской революции 1917 г. был избран директором. В 1919–1921 гг. преподавал в вечерней школе для взрослых, был школьным инспектором Отдела народного образования Невского района. Сведения даны на основании анкет: ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 2. Д. 2517. Л. 92–100.

С. 34

...на котором В<алентина> У<стюхина> и Г<ерасимова>... — Валентина Алексеевна Устюхина (в замужестве Никишичева), Анна (Нюра) Герасимова, одноклассницы О. Ф. Берггольц.

...Ляля... — Домашнее и школьное прозвище О. Ф. Берггольц.

...и Лилу Егорову... — Одноклассница О. Ф. Берггольц.

...противная Рабовенко... — Предположительно, руководитель школьного театра. **«Тата» сердится!** — О ком идет речь, выяснить не удалось.

...Феодосий Титович ≈ Нонне Александровне... — Феодосий Титович Коцюбинский (1887–1968), преподаватель географии, классный наставник О. Ф. Берггольц; сын священника; окончил С.-Петербургскую духовную академию (1912), Петроградский университет (1915); 22 декабря 1933 г. был арестован по делу «евлогийцев» («Ленинградская церковно-монашеская организация евлогийцев») и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей; после освобождения вернулся в Ленинград и занимался преподавательской деятельностью.

Нонна Александровна Высокоостровская (1898—?), школьный учитель.

...и бедняжка Д<митрий> В<асильевич>... — Дмитрий Васильевич Недачин (1886–1937), школьный учитель литературы и родного языка; впоследствии заведующий учебной частью 26-й школы Выборгского района Ленинграда; в 1935 г. репрессирован, выслан в Оренбург, в 1937 г. приговорен к расстрелу; в 1989 г. реабилитирован.

О. Ф. Берггольц писала в своем дневнике за 1923 г.: «Как я благодарна ему за его советы и сочувствие. Да, да, конечно, я это запомню и сохраню в сердце; он говорил, что надо писать только тогда, когда хочется, когда чувствуется непреодолимое желание написать такое-то стихотворение, что можно погубить талант?! (неужели у меня *это* есть), если будешь писать по заказу... Потом Д<митрий> В<асильевич> говорил мне еще, что у меня начинает замечаться вольность стиха, т. е. я очень вольно отношусь к рифмам и размеру, что у меня замечается растянутасть мыслей и тому подобное. Он сказал еще, что страшно боится, чтобы я не погубила своего... дарования» (*Берггольц О. Ф.* Дневниковые записи 1923 г. / Публ. Н. А. Прозоровой // «Так хочется мир обнять»... С. 146–147).

С Балдиными ≈ подружились... — Семья Берггольц с 1901 г. жила на втором этаже двухэтажного деревянного дома. Все комнаты на первом этаже сдавались в наем. В период с 1921 по 1928 г. семья Балдиных снимала комнаты на первом этаже.

...Серезжа ≈ у него скоротечная чахотка... — Сергей Балдин, сын соседей семьи Берггольц; о его смерти см.: Наст. изд. С. 45.

...как Вечный Жид. — Выражение, обозначающее вечного скитальца. Происходит от средневековой легенды об еврее Агасфере, обреченном на вечные скитания в наказание за то, что отказался помочь Иисусу нести крест, с которым Тот шел на распятие.

С. 35

...«его помощницей» в советах... — Положение «О Единой трудовой школе» (1918) называло в качестве ответственного органа самоуправления учащихся Школьный совет, в который входили школьные работники, представители трудового населения данного района (в данном случае — Невского района Петрограда), представители учащихся старших групп (в данном случае — 2-й ступени) и один представитель от Отдела народного образования. В компетенцию Школьного совета входило решение учебных и административных вопросов, а также организация хозяйственных и ремонтных работ. Анализ работы Школьного совета применительно к дневникам О. Ф. Берггольц см.: *Прозорова Н. А.* Ольга Берггольц: начало (по ранним дневникам). СПб., 2014. С. 56–58.

И. В. из 1-го номера... — Речь идет о соседе семьи Берггольц по первому этажу дома — И. В. Лапшине.

...Вале Бычковой... — Одноклассница О. Ф. Берггольц.

Вчера было <пропущено слово?> «Татьяны». — День св. великомученицы Татьяны отмечается 25 (12) января; ныне празднуется и как день основания Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, и как День студента.

Тася ≈ имянинница... — Вероятно, речь идет о подруге О. Ф. Берггольц Татьяне Козловой.

...у Уваровых. — Знакомые семьи Берггольц.

...«Геры»... — В древнегреческой мифологии верховная богиня, царица богов, сестра и жена Зевса, покровительница брака; в данном случае прозвище школьного учителя.

...Елена Павловна... — Школьный учитель немецкого языка.

...«Посейдон»... — В древнегреческой мифологии бог морей, всех источников и вод; брат Зевса и Аида, с которыми он разделил господство над миром. Посейдон был владыкой земных недр, земных богатств и повелителем землетрясений; при помощи своего трезубца он мог вызвать землетрясение или бурю. Здесь прозвище школьного учителя.

Во мне взыграло «ретивое». — Перифраз цитаты «В нем взыграло ретивое!» из поэмы А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (1831).